

Светлана Алешина

Папарацци

*Часть сборника
Папарацци (сборник)*

Папарацци

Светлана Алешина

Папарацци

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Папарацци / С. Алешина — «Научная книга»,
1999 — (Папарацци)

«...Едва завернув за угол, я увидела, что прямо на меня бежит не разбирая дороги невысокий парень в джинсовой куртке. Я сразу поняла, что он чем-то напуган. Нет, напуган – это слабо сказано. Парню, похоже, угрожала смертельная опасность. Достаточно было взглянуть на его лицо: бледный, глаза вытаращены, широко раскрытый рот жадно хватал воздух. Он явно спасался бегством от верной гибели, поэтому летел на меня, как выпущенная из ружья пуля. По инерции сделав несколько шагов ему навстречу, я заметалась по узкой дорожке, пытаюсь как-то разминуться с ним. Слева от меня был деревянный забор палисадника высотой где-то с полметра, справа – стена дома, и я секунду-другую решала, к чему лучше прижаться: к деревянному заборчику или к бетонной стене. Вот уж действительно промедление смерти подобно – пока я выбирала, беглец на полной скорости врезался прямо в меня. От удара у меня перехватило дыхание, я не удержалась на ногах и упала спиной прямо в небольшую лужицу. Мало того – сбивший меня с ног тоже потерял равновесие и упал прямо на меня. Ситуация, можно сказать, пикантная, однако удовольствия ни мне, ни ему это не доставило. Я закричала от боли...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Папарацци

Глава первая

Автобус резко трянуло, и я больно ударила голову о боковое стекло, от чего мгновенно проснулась и, потирая рукой ушибленное место, стала оглядываться.

Полупустой автобус постоянно трясло на неровной дороге. За окнами проплывали девятиэтажки и окружающие их пустыри. Мы въехали в микрорайон города Тарасова под названием Солнечный.

Когда-то один из отцов города в патриотическом порыве ткнул рукой в огромный пустырь на окраине Тарасова и сказал: «Вот в этом направлении мы и будем развивать город». Правда, некоторые очевидцы в неофициальных разговорах отмечали тот факт, что сей патриотический порыв был сильно подогрет алкогольным подпитием. Но это не суть важно. Важно другое: вскоре после этого на огромном пустыре на окраине города вырос жилой массив из панельных девятиэтажек, названный «микрорайон Солнечный» – форпост архитектурной мысли отцов города.

Главным достоинством Солнечного, помимо того что благодаря ему многие горожане смогли улучшить свои жилищные условия, было то, что он служил своеобразным фасадом Тарасова. Девятиэтажки широким фронтом скрывали от глаз въезжающих в город, во-первых, безобразный пустырь, открывавшийся взорам гостей Тарасова до постройки Солнечного, а во-вторых, неказистые обшарпанные «хрущобы», составлявшие основную часть жилого массива соседнего микрорайона, называемого «6-й квартал».

Все бы хорошо, но, как только девятиэтажки были сданы в эксплуатацию, интерес руководства города к строительству Солнечного резко поуменился. До нормальных автомобильных дорог и объектов жилкультсоцпищебыта руки у властей предрержавших как-то не дошли.

Парочка квелых автобусных маршрутов, соединявших Солнечный с центром города, была пущена в микрорайоне по идиотской схеме: от любой остановки приходилось топтать до ближайшего дома приличное расстояние. Сами же автобусы появлялись на остановках не чаще, чем солнце проглядывает сквозь облака в пасмурную погоду. В часы «пик» транспорт превращался в филиал кузнечно-прессового цеха: для того чтобы залезть в автобус, требовалось усиленно и весьма бесцеремонно утрамбовывать уже находящихся там пассажиров. Поэтому настроение «солнечных» жителей, как правило, зависело от того, удастся ли первым вскочить в автобус и по возможности (о, счастье!) занять пустующее сидячее место – ведь тогда давление тел сограждан сведется к минимуму. Правда, если очень не повезет, на колени сидящему может плюхнуться толстая тетка, не способная удержаться на разбитых подагрой ногах до того момента, как автобус достигнет центра города.

Гастроном и несколько мелких продуктовых магазинчиков, открытых в Солнечном, отнюдь не удовлетворяли потребностей населения, поскольку, несмотря на изобилие продуктов и разнообразие ассортимента, цены были столь высоки, что отпугивали даже самых ленивых покупателей. Большинство жителей микрорайона стремились сделать основные покупки в центре города, на оптовых рынках, где все было существенно дешевле. Вечером набитые продуктами кошелки серьезно затрудняли жителям микрорайона штурм автобусов. По мере же следования автобуса по маршруту в направлении Солнечного в нем постоянно разгорались конфликты между пассажирами: по поводу раздавленных яиц (без уточнения принадлежности последних), неудачно стоящей у кого-то на ноге чужой сумки с картошкой, открытого или

закрытого вытяжного люка (всегда найдутся среди пассажиров любители свежего воздуха и страдающие хроническим насморком)...

Культурно провести досуг в Солнечном было негде, если не считать трех пивбаров. Ближайший кинотеатр располагался в 6-м квартале, чтобы добраться до него, нужно было выдерживать восемь остановок автобусного ада.

Вот в таком «оазисе уюта и благополучия» под названием Солнечный я и проживала последние три месяца.

Приближалась моя остановка под названием «Подстанция», от которой оставалось всего две до конечной. Все пассажиры в автобусе уже сидели, кроме старичка со старушкой, которые заранее приготовились выходить в переднюю дверь. Я пристроилась за ними, нащупав в кармане проездной билет.

Весь вчерашний день и всю ночь шел дождь, перестал он только сегодня, после обеда. Ехавший на большой скорости автобус рассекал огромные лужи и щедро окатывал прилегающие к проезжей части тротуары волнами грязной воды. Наконец водитель затормозил у остановочного павильончика с надписью «Подстанция». Передняя дверь открылась, однако старички не спешили выходить. Автобус остановился прямо в центре большой лужи; нудные пенсионеры потребовали, чтобы водитель проехал немного вперед и высадил их на «сухом месте». Водитель же и ухом не вел, словно объявил забастовку или так экономил нервную энергию, что не давал себе труда даже ответить. Впрочем, работа водителей местного автобусного маршрута давно уже напоминала мне скрытую и вялотекущую забастовку, и я решила не терять времени. Протиснувшись мимо стариков к выходу, прикинула на глаз: хватит ли моих ног, чтобы перепрыгнуть лужу? Чем-чем, а длиной ног родители меня не обидели (как-никак 103 сантиметра!), и я, хорошенько оттолкнувшись, легко перескочила лужу.

Приземлившись, я не стала дослушивать, чем закончился конфликт пожилых пассажиров с шофером. За два с половиной месяца езды этим маршрутом я была сыта такими сценами по горло, к тому же мне еще предстояла двадцатиминутная пешая прогулка – ровно столько времени было необходимо, чтобы добраться до моего жилища от остановки.

На пару с подружкой Ирккой мы снимали двухкомнатную квартиру в одном из панельных домов. Квартира принадлежала дядюшке моей подружки. Дядя Петя по профессии да, видимо, и по призванию был риэлтором. Все свободное от пьянок время Иркин родственник посвящал купле-продаже и сдаче в аренду недвижимости. Ежемесячно он покупал несколько квартир, как правило, находящихся в плачевном состоянии, и, за короткий срок приведя их в более приличный вид с помощью дешевой рабочей силы, тут же продавал. Дешевой рабочей силы хватало – чаще всего это были студенты и безработные строители.

Сфера риэлторских интересов дяди Пети ограничивалась рамками микрорайонов «Солнечный» и «6-й квартал», однако в этих пределах размах его деятельности был так велик, что иногда он путался в квартирах, которые купил, собирался купить, продать или сдать в аренду. Поэтому приходившие к нему клиенты часто вынуждены были напоминать риэлтору, о какой квартире идет собственно речь. В сильной степени дядюшкиной забывчивости способствовали запои, в которые он периодически уходил. На это время дела в свои руки брал его помощник и дальний родственник Виктор.

Своей родной племяннице Ирине дядя Петя сдавал квартиру за символическую сумму. Это Иринка предложила мне разделить с ней кров и арендную плату, а я, разумеется, за ее предложение ухватилась обеими руками: ведь у меня, провинциалки, приехавшей из дыры под названием Карасев в областной центр, так сказать, за лучшей долей, вариантов жилья, кроме общаги, практически не было.

В Тарасове, правда, жила моя тетя – Людмила Ивановна. Поначалу я у нее и остановилась, но, прожив неделю в ее квартире в центре города, сделала категоричный вывод о нашей с тетушкой полной психологической несовместимости. С утра до вечера слушать тетушкины

сентенции и наставления по самым различным темам – долго бы я не выдержала. Слава богу, мне удалось быстро отыскать Иринку и, получив от нее приглашение к сожительству, сбежать от тетушки под благовидным предлогом, мол, не хочу ее стеснять.

Моя подруга тоже родом из Карасева, только она старше меня на три года, поэтому на три года раньше уехала в Тарасов и поступила здесь в медицинский институт. Скажу, не хвлясь, я три недели назад тоже стала студенткой. Поступить на филологический факультет Тарасовского государственного университета – думаете, это так просто?

Ирина к моему выбору отнеслась скептически.

– Ну и кем ты будешь? – спросила она, когда я сообщила ей о своем решении поступать на филфак.

– Не знаю, – неопределенно сказала я, вдруг сообразив, что как-то об этом не задумывалась. – Наверное, буду преподавать русский и литературу детям в школе.

– Педагогом, что ли? – фыркнула моя подружка. – Нашла себе профессию. Да им же ни черта не платят! Где деньги будешь брать?

– Там же, где и ты, – недоуменно ответила я, имея в виду кассу предприятия, где буду работать.

– Ну ты сравнила! – поморщилась Ирка. – Я – совсем другое дело, как врач-гинеколог я всегда себе на кусок хлеба заработаю.

– Знаешь что, – возмутилась я, обиженная за свою будущую профессию, – там, где ты будешь деньги брать, мне что-то не хочется... К тому же с филологическим образованием я могу работать и журналистом. Статьи, репортажи, журналистские расследования – это будет поинтересней, чем гинекологом копошиться в...

Приводя последние аргументы, я и сама размечталась: а ведь верно, какая интересная профессия – журналист! Подружка выслушала меня не перебивая, состроив при этом глумливую физиономию, после чего заявила:

– Ой-ой-ой... Какая патетика. Статьи! Журналистские расследования! Тоже мне – папарацци! – Ирка сменила глумливое выражение на своем лице на скептическое и добавила: – Какая разница, в каком дерьме копошиться... Но поверь моему опыту, – менторским тоном заключила моя старшая подруга, – ковыряться в теле человека намного спокойнее и безопаснее, чем в его личной жизни.

Я не стала спорить с Иринкой: она всегда в наших дискуссиях умудрялась оставлять последнее слово за собой. Никому из нас тогда и в голову не могло прийти, что этот разговор во многом окажется пророческим – и для Ирки, и особенно для меня.

Весь сегодняшний день получился суматошным. С утра, когда меня, промокшую под дождем и помятую, «выплюнули» в центре города двери автобуса, я отправилась в университет. Из четырех намеченных на сегодня лекционных пар состоялись лишь две – первая и четвертая. На последнюю явились лишь немногие, самые дисциплинированные, в том числе и я. После занятий мне пришлось тащиться на очередное контрольное свидание с тетушкой – последний раз я была у нее давно, две недели назад. Тетя Люда, заручившись поддержкой моих родителей, требовала еженедельного посещения с подробными отчетами о моей жизни. Если я манкировала визитом, она сама являлась к нам с Иркой домой, и избавиться от ее присутствия было невозможно, не выслушав всех запланированных ею нравоучений, а запас их был неистощим.

Тетушку я дома не застала – соседи сказали, что она ушла за покупками на рынок. Дожидаться у подъезда не хотелось, я последовала ее примеру и отправилась покупать продукты. По нашей с Иркой договоренности сегодня была моя очередь.

С тяжеленными сумками я в семь вечера явилась на конечную остановку автобуса, где уже томилась в ожидании толпа народу. Удача мне улыбнулась: я одна из первых влезла в подошедший автобус, заняла свободное место у окошка и тут же была забаррикадирована севшей рядом дородной теткой.

«Все, теперь можно спокойно спать», – подумала я. Если бы кто и захотел согнать меня с моего места, перелезть через соседку-попутчицу было практически невозможно. Я заснула и проснулась уже в Солнечном...

До дома оставалось пилить еще пять минут. Я только что миновала двор соседнего жилого массива, благополучно прошла сквозь лабиринт из самовольно выстроенных металлических гаражей и уже подходила к торцу своего дома.

Наш подъезд был крайним от торца. Мне оставалось лишь завернуть за угол и пройти по узкой дорожке, отделяющей дом от разбитого рядом с ним палисадника. Но, как это часто бывает в жизни, неприятности подстерегают нас в самом конце пути, когда до заветной цели остается всего лишь несколько шагов. Задержись я на полминуты или обойди палисадник, ничего бы не произошло. Более того, наверное, моя жизнь сложилась бы иначе. Но случилось то, что случилось.

Едва завернув за угол, я увидела, что прямо на меня бежит не разбирая дороги невысокий парень в джинсовой куртке. Я сразу поняла, что он чем-то напуган. Нет, напуган – это слабо сказано. Парню, похоже, угрожала смертельная опасность. Достаточно было взглянуть на его лицо: бледный, глаза вытаращены, широко раскрытый рот жадно хватал воздух. Он явно спасался бегством от верной гибели, поэтому летел на меня, как выпущенная из ружья пуля.

По инерции сделав несколько шагов ему навстречу, я заметалась по узкой дорожке, пытаюсь как-то разминуться с ним. Слева от меня был деревянный забор палисадника высотой где-то с полметра, справа – стена дома, и я секунду-другую решала, к чему лучше прижаться: к деревянному заборчику или к бетонной стене. Вот уж действительно промедление смерти подобно – пока я выбирала, беглец на полной скорости врезался прямо в меня.

От удара у меня перехватило дыхание, я не удержалась на ногах и упала спиной прямо в небольшую лужицу. Мало того – сбивший меня с ног тоже потерял равновесие и упал прямо на меня. Ситуация, можно сказать, пикантная, однако удовольствия ни мне, ни ему это не доставило. Я закричала от боли. Парень же издал что-то вроде рычания – надо понимать, он был крайне раздосадован неожиданно возникшим на его пути препятствием. Он мгновенно вскочил на четвереньки и с этого низкого старта рванул вперед. Я сделала попытку приподняться и в эту же секунду увидела, как из подъезда выбежали двое коротко стриженных, здоровенных парней, один в кожаной куртке, другой в длинном плаще. Судя по всему, они-то и преследовали моего невольного обидчика.

Я с ужасом поняла, что сейчас и эти двое в азарте погони пробегутся по мне, как по ковровой дорожке, и судорожным движением отползла в сторону, прижавшись к стене дома. На сей раз последствия были менее разрушительными, «кожаная куртка» просто пронесся мимо, а «длинный плащ» лишь наступил на мой пластиковый пакет с продуктами и учебниками, грязно выругавшись при этом.

Когда все участники погони скрылись за углом дома, на смену моей растерянности и ошеломленности пришел праведный гнев.

«Безобразия, какое варварство обойтись так с молодой девушкой, кстати, отнюдь не лишенной привлекательности», – клокотали во мне эмоции.

Я вскочила и поковыляла вслед за участниками погони, чтобы высказать им вдогонку все, что я о них думаю. Но увидеть мне удалось только спины преследователей – те мчались на всех парах к гаражам, за которыми уже скрылся убегающий. Через пару секунд в гаражном лабиринте исчезли и двое бритоголовых.

– Козлы долбаные! Свины! – что есть силы прокричала я им вслед, вложив в этот вопль всю страсть своего негодования. Свообразным ответом мне послужил громкий хлопок, звук которого донесся до меня со стороны гаражей. От неожиданности я даже вздрогнула и слегка пригнула голову.

«Неужели выстрел? – подумала я. – Или мне показалось?» Но тут же откуда-то из-за гаражей послышался еще один хлопок.

«Нет, – решила я, – не показалось». Где-то среди гаражей действительно стреляли из пистолета.

Ничего себе, ну и вечерок выдался! И хотя стреляли довольно далеко, я, повинуюсь скорее интуиции, чем логике, поспешила ретироваться, пока до меня вместе со звуком выстрела не долетела и пуля. Там, где я упала, лежал на асфальте мой порванный пластиковый пакет, из которого торчали учебник и бутылка кетчупа.

Я нагнулась, и тут мое внимание привлек небольшой черный конверт, лежащий недалеко от пакета. По всей вероятности, его потерял кто-то из троих придурков, пронесшихся по мне смерчем.

Итак, «подобьем бабки». Меня сшибли, уронили прямо в лужу, теперь бок болит и ушибленная лопатка ноет. Моя одежда – я оглядела себя – находится в плачевном состоянии, плащ надо будет стирать, а порванные колготки (к счастью, недорогие) – выкидывать. Из разорванного пакета вытек кетчуп – верзила в длинном плаще наступил на бутылку. Все это шло однозначно в минус.

Но, слава богу, меня не убили, и это огромный плюс. Судя по тому, как развивались события, такой шанс был. Если бы преследователи выскочили из подъезда пораньше и застали объект преследования, так сказать, рядом со мной, то, открыв стрельбу по парню в джинсовой куртке, вполне могли попасть и в меня. О подобных невинных жертвах часто пишет пресса.

В моем сознании сразу возник некролог в студенческой газете университета, говорящий о том, что на 18-м году жизни случайной жертвой киллеров пала студентка первого курса филфака Ольга Бойкова. Следующий кадр – сцена похорон. Заплаканная мать, причитающая: «Зачем ты поехала в этот город, осталась бы себе дома и жила спокойно». Рядом строгий и суровый отец, поодаль стоит Ирка в черном элегантном платье и в темных очках, словно звезда Голливуда, приехавшая на похороны своего продюсера. Безутешная подружка наверняка припрется с каким-нибудь своим новым хахалем, который будет стоять, не понимая, зачем его туда приволокли. Но при этом положит руку Ирке на плечо, делая вид, будто поддерживает ее в скорбные минуты. За время панихиды его рука переместится сначала на талию Ирки, а потом на ее бедро. «Безобразия», – подумала я и тряхнула головой, отгоняя грустные мысли.

Нагнувшись, я осторожно подняла с земли свой порванный пакет, аккуратно выкинула из него раздавленную бутылку с кетчупом. Тут мое внимание снова привлек лежащий на земле черный пакет. Я взяла его в руки. Такие конверты я видела у фотографов – в них обычно хранится светочувствительная бумага. Судя по толщине пакета и его плотности, а также по тому, что он был запечатан, именно она там и находилась.

Я огляделась вокруг, ожидая увидеть хоть кого-нибудь из гуляющих по двору жильцов нашего дома. Самой мне ввязываться в это дело почему-то не хотелось, и я надеялась, что кто-то из жильцов видел погоню, слышал выстрелы и сам сообщит о случившемся в милицию. Но как назло двор был пуст. Лишь у четвертого подъезда, самого дальнего от моего, возились у легкового автомобиля какие-то мужчины. Я посмотрела на часы. Девятый час – время очередной мексиканской телевизионной жвачки типа «Любовь и слезы Марианны».

– Ну и черт с ними, – неопределенно ругнулась я, не имея в виду никого конкретно, и быстрым шагом отправилась в подъезд.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, я своим ключом открыла дверь и с грохотом ее захлопнула.

– О-о-ль, – донесся до меня с кухни Иркин голос.

– Привет, – отозвалась я, бросив порванный пакет на пол, а ключи и найденный мною конверт на тумбочку в прихожей.

– Ты одна? – спросила моя подруга, и в коридоре зашлепали ее шаги. – А то я почти гол... го... Господи, боже мой!

Ирка появилась как раз в тот момент, когда я, стоя к ней спиной, снимала плащ. Сняв его и повернувшись к Ирке, я одарила ее ослепительной улыбкой и приняла позу модели на подиуме, картинно выставив вперед ногу с широкой затяжкой на колготках.

– Ну как я тебе? – спросила я, продолжая улыбаться во весь рот.

– Ну и видон! – ответила Ирка, вытаращив на меня глаза. – Ты что, с кем-то бурно попраздновала начало учебного года? Судя по грязному со спины плащу и порванным колготкам, не обошлось без секса на природе...

Я перестала улыбаться Ирке и из вредности повесила свой грязный плащ рядом с ее только что выстиранной джинсовой курткой. Но она ничего не заметила, продолжая тарашиться на меня.

– Да пошла ты, – огрызнулась я, – у тебя только одно на уме. Посмотрела бы я, как бы ты выглядела, если бы по тебе прошло стадо бизонов.

– Ну, стадо – это чересчур, – хмыкнула Ирка, – а некоторые молодые и полные сил бизончики, помнится, по мне проходились.

При этих словах взгляд Ирки сделался мечтательным. Она стояла в дверях, опершись о косяк. Из одежды на ней были лишь трусики и лифчик. У нее была стройная, хоть и слегка коренастая фигура, высокая грудь и кошачья манера двигаться.

За три года, прожитых в Тарасове, избавившись от строгого родительского надзора, Ирина сильно «продвинулась» как женщина. Она стала куда раскрепощеннее, словно и не было той застенчивой, даже закомплексованной девочки, которая три года назад уезжала из Карасева учиться «на медика». И уж конечно, за три года вольной жизни в Тарасове Ирка существенно повысила свой «сексуальный экспириенс» (так она любила выражаться). Более того, моя подруга развила бурную деятельность по увеличению поголовья своих женихов, проявив при этом недюжинные организаторские способности. Претендентов на ее руку и сердце было четверо. Предпочтение отдавалось курсантам военных училищ (трое) плюс случайно затесавшийся студент политехнического вуза. Все эти женихи так мирно уживались в течение трех лет по той простой причине, что жили они в разных городах и не подозревали о существовании друг друга. График посещений ими невесты составляла сама Ирка по мере поступления заранее поданных заявок. Рада она была всем, но по очереди. И с каждым строила планы будущей семейной жизни. В глубине души я даже восхищалась этими ее талантами.

Я снова улыбнулась, глядя на замечтавшуюся подругу, сняла с вешалки свой плащ и, подойдя к ней, сказала:

– Ирк, ты неисправима... Займись-ка ты лучше пакетом, в нем есть продукты, правда испачканные кетчупом, в том числе и хлеб. А я пойду замочу свой плащ, приму душ и через двадцать минут за ужином расскажу тебе, что со мной приключилось.

– В подробностях! – категорически заявила Ирка, наставив на меня указательный палец.

– Конечно, конечно, – ответила я, открывая дверь в ванную комнату.

Глава вторая

За ужином, уплетая пожаренную Иркочкой курицу, я рассказывала о приключении, в которое ухитрилась попасть у самого нашего подъезда. Ирка слушала внимательно, не перебивая. Наконец, когда я закончила, она философски произнесла:

– Да уж, попала ты под раздачу! Это наверняка какая-нибудь разборка. Тип, который убегал, похоже, или подставил кого-нибудь, или деньги задолжал.

– Вряд ли денежный долг, – возразила я, – зачем убивать должника, кто же потом деньги возвращать будет?

– А ты уверена, что его собирались убить? Может, его просто поугадили хотели? Вот и пальнули пару раз в воздух.

– Может быть, и так, – пожалала я плечами. – Только видела бы ты его лицо. У меня сложилось впечатление, что бежал он от смерти.

– Ладно, – сказала Ирка, – завтра газету купить надо – узнаем, от чего он бежал и убежал ли вообще. А ты, подружка, правильно сделала, что в ментуру не пошла. С ней свяжешься, сама потом жалеть будешь. Да и братки эти... Чего доброго, и тебе придется от них ноги делать.

– В тот момент я тоже так думала, – ответила я, – а сейчас мне как-то не по себе. Жалко этого парня.

– Ладно, прекрати, – оборвала меня Ирка, – рассусолилась тут... Себя лучше пожалей! Не хватало тебе ввязываться в бандитские разборки.

– А может, тот, кто убегал, и не бандит вовсе? – возразила я. – У меня такое чувство, будто я его уже где-то видела. Лицо вроде знакомое.

– Как он выглядел? – спросила Ирка. – Я в нашем подъезде почти всех постоянных жильцов в лицо знаю.

Я напрягла память.

– Ну, невысокий такой, плотный. Волосы светлые, ежиком, если, конечно, они у него не от страха так вздыбились. Глаза голубые. Одет был в джинсовую куртку и темного цвета штаны. И еще от него сильно потом воняло.

– Скажите, пожалуйста! Какие подробности, – усмехнулась Ирка. – Впрочем, от страха не только вспотеешь, но и обдуешься, так что это не показатель его чистоплотности.

Ирка на несколько секунд задумалась.

– Вообще-то человека с такой внешностью среди постоянных жильцов нашего подъезда нет, точно. Может, снимает здесь квартиру?

– Но я точно его где-то видела, – сказала я упрямо, – вспомнить бы где.

– Ладно, – махнула рукой Ирка, – хватит париться по этому поводу. Ну пробежали они и пробежали. Ну свалили. Ну и что? Что от мужиков можно еще ждать? Это же животные. Для них, еще с давних времен, главные развлечения – охота и бабы. Сегодня охота была главнее. Но ты не расстраивайся, наступит и на нашей улице праздник.

Она встала, взяла со стола грязные тарелки и поставила их в раковину. Потом достала из кухонного шкафа чашки, налила мне и себе чаю.

– Кстати, о праздниках, – сказала Ирка, отхлебывая чаю, – ко мне скоро, может быть, даже на следующей неделе, придет один из моих возлюбленных. Помнишь Юрочку, курсанта из высшего командного училища?

– Это который из Курска? – спросила я.

– Из Курска это Володечка. Он тоже курсант, но будущий артиллерист.

Ирка проговорила все это таким раздраженным тоном, будто речь шла о моих ближайших родственниках, не помнить которых было тяжким грехом. В сущности, я понимала, что подружка просто хочет отвлечь меня от происшедшего, чтобы я не заикливалась на невеселых

мыслях. А какая тема, с точки зрения Ирки, лучше всего могла отвлечь женщину от проблем? Конечно, межполовые отношения. Поэтому она продолжала гнуть свою линию:

– Так вот, я и говорю, Юрка придет не раньше среды, у меня как раз закончатся женские дела. Я что думаю – пусть Юрка привезет с собой какого-нибудь дружка, а? Я уж попрошу его завтра, когда буду звонить, чтобы он прихватил кого-нибудь поздоровей и повыше.

– Это еще зачем? – насторожилась я.

– Как зачем? Тебе что, не нравятся здоровые? Пусть берет субтильного. Главное, чтобы высокий был. У тебя у самой, матушка, метр семьдесят три.

– Я имею в виду, зачем ты вообще кого-то приглашаешь? Терпеть не могу принудиловки и инкубаторства. Привезут тебе, понимаешь, какого-нибудь неандертальца, который слово «мама» с трудом выговаривает, и сидишь с ним целый вечер, не знаешь, что делать и о чем поговорить.

– Что делать, я тебе подскажу, – с надменной улыбкой ответила Ирка.

– Спасибо, не надо, – холодно сказала я. – Знаю я твои подсказки.

– Значит, не хочешь? – подвела итог разговора Ирка. – Сводничества не признаешь? Ну и будешь сидеть одна, принца ждать.

– Да, – отрезала я. – Ты уж там как-нибудь одна со своим Володечкой, Юрочкой или Геночкой.

– Ну и дура, – констатировала Ирка. – Ты еще вся карасевским мхом опутана.

Ирка встала и пошла из кухни. В дверях она неожиданно задержалась и, развернувшись, заговорила жестким тоном:

– Но если ты, как в прошлый раз, будешь Юрку своими длиннющими ходулями смущать, у нас с тобой, – тут она направила на меня свой указательный палец, – потом будет долгий и душещипательный разговор.

Выдержав паузу, Ирка перевела свой указующий перст на раковину:

– Сегодня твоя очередь мыть посуду.

С этими словами она развернулась и, плавно покачивая бедрами, отправилась по коридору в свою комнату.

– Мне что теперь – каждый раз комбинезон надевать, когда твои женихи припираются?! – прокричала я ей вслед. – К тому же ты не учла мой цикл!

Но ответа я не получила. Из большой комнаты, которую занимала Ирка, донеслась громкая музыка и голоса – подруга включила телевизор.

Я быстро помыла и вытерла сухим полотенцем посуду, убрала недоеденные куски курицы в холодильник, места в котором было более чем достаточно. Выключила в кухне свет и отправилась в свою комнату. Проходя через прихожую, я случайно бросила взгляд на тумбочку, где лежал черный конверт, и снова вспомнила все, что со мной произошло. Я взяла конверт и пошла к себе.

В моем распоряжении была меньшая из двух комнат, но, на мой взгляд, более уютная. Обои, оставшиеся от прежних хозяев, имели приятные, теплые тона. На стены я повесила две дешевые репродукции – натюрморт и сельский пейзаж. Большую часть двери занимал календарь с портретом Хулио Иглесиаса. Рядом с кроватью стоял высокий торшер, привезенный из Карасева моей мамой. Уже лет десять он занимал неизменное место в моем изголовье – сначала в Карасеве, теперь перебрался сюда. И эта частица дома также добавляла уюта в мое нынешнее жилище.

Я плюхнулась на кровать и включила торшер. Несколько секунд, раздумывая, вертела черный конверт в руках. Любопытно было узнать, что внутри. Наконец я решилась и надорвала край. Если там светочувствительная бумага, то потеря будет не велика. Если же что-то иное, то зря я, что ли, сегодня натерпелась – в конце концов заслужила хотя бы право знать, что там.

Я распаковала конверт и, тряхнув им, высыпала на кровать содержимое. К моему легкому недоумению, это оказались фотографии.

– Зачем тогда было запечатывать? – вслух удивилась я, но, взяв в руки фотографии, начала кое-что понимать.

По мере того как я просматривала снимок за снимком, раскладывая их на кровати, точно карточный пасьянс, мое удивление и растерянность возрастали. Я чувствовала, что краснею, но в то же время было любопытно.

Почти все запечатленные на фотографиях сцены носили порнографический характер. Однако я быстро смекнула, что порнографией эти снимки не являлись. На них были изображены не позирующие актеры, а обычные люди, заснятые на пьянке и явно ни сном, ни духом не подозревавшие, что их снимают. Оглядев все фотографии еще раз, я окончательно пришла к выводу, что все они были сделаны скрытой камерой. Заснятые мужчины и женщины держались естественно, не позировали, не тарачились в объектив. К тому же на большинстве снимков ракурс был не очень удачный – как правило, камера располагалась где-то сверху и сбоку от центра действия.

Главной целью фотографа было не запечатлеть само эротическое действие, как это было на порнографических снимках и видеокассетах, которые мне, хоть и не часто, но доводилось видеть, а зафиксировать на снимке именно лица людей, занимающихся сексом.

Сначала шли несколько фотографий общего плана, охватывающих всю или почти всю компанию. Здесь были четверо мужчин и пятеро женщин. Интерьер, в котором делались снимки, однозначно говорил в пользу того, что действие происходит в бане. В пользу этого говорили и наряды участников. На дамах были, в лучшем случае, одни лишь трусики, мужчины прикрывали свои голые торсы простынями. Волосы почти у всех влажные и в беспорядке.

На групповых снимках было изображено застолье: невысокий столик сервирован закусками и обильно уставлен бутылками с горячительными напитками. Среди последних прева-лировала водка. Эротизм выражался пока лишь в том, что дамы обнимали и лобзали своих собутыльников.

Снимки же, которые я окрестила «персональными», были куда откровеннее. Камера выхватывала фрагменты банального полового акта.

На этих снимках фотограф уделил внимание лишь двоим мужчинам, причем одному из них отдал явное предпочтение. Это был довольно пожилой полный мужчина с обширной плечью на затылке, волосатой грудью и большим, свисающим складками животом. Фотографии легко рассортировались на две стопки. На одних толстячок занимался сексом с рыжеволосой женщиной крупных форм. Здесь он занимал активную позицию, то есть был сверху и, судя по эмоциям, отраженным на его лице, очень старался. На другой группе фотографий старикан, по-видимому, устал и перешел к «активному отдыху». Сменив пышнотелую партнершу на худенькую черноволосую нимфетку и посадив ее сверху, он лежал на спине с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на устах.

Я не могла понять, почему именно этот мужчина особенно приглянулся фотографу – с эстетической точки зрения любовные игры с его участием были не слишком привлекательны. Куда выигрышнее смотрелся более молодой и, судя по снимкам, более изобретательный художавый брюнет в паре с крашеной блондинкой.

Итак, внимательно рассмотрев все имеющиеся в моем распоряжении фотографии, я решила, что пора делать выводы. Их было несколько.

Фотографии, лежащие у меня на постели, являлись компроматом, и компрометировали скорее всего того самого лысого толстяка.

Совершенно ясно, что люди, преследовавшие на моих глазах парня в джинсовой куртке, не пугали его стрельбой в воздух, а всерьез хотели убить.

Не вызывал сомнения и тот факт, что целью их было добыть те фотографии, которые теперь находились у меня в руках.

Судя по всему, сегодняшний беглец и являлся фотографом, сделавшим эти снимки. Последний вывод вдруг совершенно неожиданно вызвал в моем сознании сцену двухмесячной давности.

В тот день, ранним утром, когда мы с Ириной стояли на остановке в ожидании автобуса, к нам стал клеиться невысокий светловолосый парень, одетый в белую рубашку с короткими рукавами, черные джинсы и кроссовки. Не помню, что он тогда говорил, обычный бессодержательный треп заигрывающего кавалера. Вообще-то такое случалось не раз, как-никак мы с Ирой не самые последние уродины в городе. Но этот парень запомнился мне тем, что на плече у него висела большая квадратная кожаная сумка, с которыми обычно ходят профессиональные фотографы. Его жидкие, коротко постриженные волосы торчали ежиком. Мы вместе влезли в автобус, где в давке его оттеснили от нас, после чего мы потеряли его из виду и даже не узнали, на какой остановке он сошел.

Теперь я была совершенно уверена в том, что парень, сбивший меня сегодня у подъезда, и кадривший нас два месяца назад на остановке фотограф – одно и то же лицо. Мне тут же приспичило рвануть в комнату к Ирке и сообщить ей о своем открытии. Но я спохватилась, бросив взгляд на разложенные фотографии – почему-то не хотелось показывать их Ирке, по крайней мере сейчас.

Я быстро собрала фотографии и положила их обратно в черный конверт. Спрятав его под матрас, встала и отправилась в комнату Иринки. Открыв без стука ее дверь, я просунула голову и тихо позвала:

– Ир...

Но Ирина не ответила. В комнате лишь оглушительно бубнил телевизор.

– Ира, – позвала я ее громче и, подойдя к телевизору, убавила звук. Моя подруга, лежа на боку, тихо посапывала, но, когда я окликнула ее в третий раз еще громче, зашевелилась и, не отрывая лица от подушки, сонно пробормотала:

– Чего тебе?

– Ир, я вспомнила того парня! – радостным голосом объявила я и начала излагать подробности своего экскурса в историю.

Ирка не сразу «въехала», о чем идет речь, а когда до нее дошло, она издала протяжный тоскливый вой и, взмахнув рукой, перевернулась на спину.

– Слушай, – завопила она, – ты достала меня за сегодняшний вечер своими рассказами! На кой черт мне сдался твой фотограф?! Чего ты вообще от меня хочешь?!

Ирка села на кровати.

– Ворвалась, понимаешь, к спящему человеку и загружаешь его всяким бредом.

– Откуда я знала, что ты спишь, – обиделась я. – У тебя телевизор так орет, что скоро все соседи придут жаловаться.

– Так, – сказала Ирка, хлопнув руками по коленям, – какого хрена тебе от меня надо? Что ты хочешь, чтобы я сделала? Узнала что-нибудь про этого фотографа?

– Ну, в общем, это было бы... – неопределенно начала я.

– Хорошо, – оборвала меня Ирка, – если он местный, это не проблема. Завтра мы с тобой пойдем к дяде Пете платить за квартиру. Если этот парень снимал квартиру в нашем подъезде, дядя Петя скажет нам, кто он и где его можно найти. А если его таки грохнули сегодня вечером, то мы узнаем об этом еще раньше – утром в новостях по кабельному телевидению.

Ирка бросила на меня взгляд снизу вверх и спросила:

– Все? Вопросы есть? Если нет, то выключай телевизор и шагом марш к себе в комнату!

Произнеся это, Ирка перекадилась на бок и натянула на себя одеяло, давая понять, что разговор окончен.

Я давно утвердилась в мысли, что выйти замуж за офицера для Ирки самое то – из нее вышла бы кондовая генеральша. Во всяком случае, общение с женихами-курсантами сильно милитаризировало ее словарный запас. Но, как всегда, Ирка сумела повернуть ситуацию так, что мне оставалось только подчиниться.

Я выключила телевизор и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью – маленькая месть этой грубиянке за понесенные мной моральные потери. Утром Ирка отправилась звонить своему курсанту. Я же, расположившись на застланной кровати подруги, смотрела новости по местному кабельному телевидению.

Кабельное телевидение было одним из немногих достижений цивилизации в области сервиса, которое коснулось микрорайона «Солнечный». Местный кабельный видеоканал так и назывался «Солнечный» и был настолько солидным, что даже имел свою программу новостей, правда, довольно скучных. Но блок криминальных сообщений в них был достаточно подробным. По крайней мере, в нем сообщалось о всех наиболее значимых происшествиях на территории района за последние сутки. Я просмотрела весь блок новостей – никаких сообщений об убийствах не было. Перечислялись кражи, драки, мелкие хулиганства, но ни одного «мокрого дела». У меня немного полегчало на душе, и я отправилась готовить завтрак.

Однако завтракала я в одиночестве – Ирка вернулась лишь к обеду. Полдня ей понадобилось, чтобы позвонить с центрального телеграфа и заодно заглянуть в парикмахерскую, где ее постригли и превратили из жгучей брюнетки в даму с волосами неопределенного цвета.

Неопределенного, по крайней мере, на мой непросвещенный взгляд: одни пряди остались черными, другие приобрели русо-пепельный оттенок.

Я сразу выразила свой скепсис по поводу этого макаронного эффекта на голове, но Ирка заявила, что я ничего не понимаю и что этот тип окраски волос – последний писк моды. Я не стала спорить, на сей раз у меня имелась на то причина: Ирка должна была выполнить для меня то, что обещала вчера вечером.

За обедом Ирка спросила:

– Новости смотрела? Что там?

Я кивнула.

– Никаких убийств. Когда идем к дяде Пете?

– Сегодня суббота, – напомнила мне Ирка, – значит, пойдем часа в четыре: они уже точно не работают, но еще не в жопу пьяные.

Так мы и поступили.

Около четырех часов дня мы с Иркой вошли в подъезд пятиэтажной «хрущевки» на окраине 6-го квартала и стали подниматься на пятый этаж.

– А ты уверена, что они здесь? – спросила я Ирку.

– Здесь-здесь, где им еще быть, – уверенно ответила она.

– Странное место для офиса, – заметила я.

– А это не совсем офис, – уточнила Ирина, – это у них что-то вроде комнаты отдыха.

Между прочим, новая явка. От старой пришлось отказаться, так как «доброжелатели» засветили ее перед их женами.

– А ты про нее откуда в таком случае знаешь?

Ирка усмехнулась:

– Мне они доверяют, как человеку нейтральному.

Мы поднялись на пятый этаж, и Ирка позвонила в одну из дверей.

Дверь была металлическая, и в дверной глазок пробивался узкий лучик света, видимо, от лампочки, горевшей в прихожей. Через некоторое время за дверью раздался шорох, и лучик в глазке исчез: похоже, нас изучали. Еще через несколько секунд послышался голос:

– Кто там?

Я скептически посмотрела на Ирку, которая только что говорила мне о безграничном доверии родственников. Мою подругу это явно задело, и она со злостью в голосе произнесла:

– Девочки по вызову! Витька, ты кончишь придураться? Открывай давай!

– Ирк, ты, что ли? – раздалось за дверью.

– А что, в глазок не видно? Или ты не в тот смотрел?

Загрохотал замок, дверь отворилась, и на лестничную площадку вышел племянник и компаньон дяди Пети Виктор.

«Вот он, «новый русский» на отдыхе», – подумала я, оглядывая его с ног до головы.

Рост средний, волосы вихрастые, словно только что поднял голову с подушки, большое довольное лицо. Взгляд прямой, немигающий, с застывшим в нем вечным вопросом российского бизнесмена, адресованным любому собеседнику: «Когда отдашь деньги?» Свежая белая майка, правда, уже слегка заляпанная чем-то, похожим на губную помаду, обтягивала плотный торс. Дорогие, но тоже чем-то заляпанные брюки. Волосатые руки по локоть засунуты в карманы.

– Ты что, не узнал, что ли – полчаса в глазок таращился? – спросила Ирка.

– Я смотрю, ты не одна, с какой-то незнакомкой, – начал оправдываться Виктор.

– Это Ольга, моя подруга, мы с ней вместе у вас квартиру арендуем.

– Да, а чё пришли-то?

– Деньги за сентябрь отдать, да и дело одно есть. Дядя Петя дома?

– Здесь он, здесь. Но если у вас к нему дело, это стремно, наверное, придется отложить.

Он уже того – не в рабочем состоянии. Ладно, проходите, сами увидите...

Мы миновали маленькую прихожую и вошли в большую, хотя и проходную, залу двухкомнатной квартиры. Посередине стояли рядом диван и стол. На столе были холодные закуски – порезанная телятина и колбаса на тарелках, вскрытые банки рыбных консервов. Все это было мало тронуту, а вот многочисленные бутылки горячительного изрядно початы. Две уже пустые бутылки из-под водки стояли на полу. К концу подходила литровая бутылка джина. Похоже, или Ирка ошиблась в расчетах, или родственник начал сегодня раньше.

На диване сидел сам король квартирного бизнеса, дядя Петя. Это был крепкий рослый мужчина лет пятидесяти с небольшим от роду. Крупная голова с обширными залысинами покоилась на многоскладчатом, словно мехи гармошки, подбородке. Раскинув руки по спинке дивана, дядюшка смотрел на нас тусклыми глазами без всякого выражения.

Однако все же до него дошло, что явились особи женского пола. Взгляд его слегка потеплел, и он покосился на Виктора:

– Вить, а ты что, еще телок вызвал?

– Какие телки, совсем сбрендил, старый дурень?! – бесцеремонно ответил ему Витек. – Это племянница твоя пришла, Ирка, с подругой.

– А... то-то я смотрю, что-то знакомое, – протянул дядюшка, уставившись на меня.

Однако, так и не найдя во мне черт своей любимой племянницы, он задал еще один вопрос все тому же Витьку:

– А зачем они пришли?

– Дело у них к тебе есть, – сказал Виктор, усаживаясь на табуретку. Руки он вынул наконец из карманов и положил перед собой на стол ладонями вниз.

– Дело? – переспросил дядюшка и, вздохнув, закрыл глаза. Видимо, от этого слова его клонило в сон.

– Дядь Петь, – заговорила Ирка и под села к дядюшке на диван. Дядюшка тут же открыл глаза и автоматически обнял Ирку.

– Ира, это ты? – спросил он, уставившись на нее. Виктор воздержался от комментариев, лишь устало покачав головой.

– Да я, я, – созналась Ирка. – Дядь Петь, у меня к тебе дело.

– Никаких дел на сегодня, – решительно сказал дядя Петя и, потянувшись к столу, свободной от объятий рукой налил себе еще джину. – Сейчас Витек сбегает еще за водкой, потом позвонит в агентство «Кристина» и вызовет нам девочек.

– Водки у нас – залейся, – тут же возразил Виктор. – А баб мы уже вызвали. Они в соседней комнате сейчас, уже два часа дрыхнут.

– Да? – снова переспросил дядя. – А почему? Я их что, так утомил?

Дядюшка уже начал было раздуваться от гордости за свершенные им сексуальные подвиги.

– Нет, утомил их я! Обоих! – с довольным видом осадил его Виктор. – А ты их просто достал своей половой несостоятельностью и назойливым трепом.

– Да? – уже с грустью переспросил дядюшка и поднес наполненный почти до краев стакан к лицу.

– Дядь Петь, может, ты не будешь пить? – предложила сидящая с ним в обнимку Ирка.

Дядюшка задумчиво смотрел на прозрачную жидкость в стакане, потом слегка плаксивым голосом заговорил:

– А может быть, я хочу напиться и... и...

Дядюшка медлил и не решался произнести это роковое слово. За него dokonчил Витька:

– И обдуться! Знаем, плавали. Всю обшивку у дивана пришлось сменить.

Дядюшка посмотрел на своего помощника и грустно сказал:

– Злой ты, Витек. Нехороший. Выгоню я тебя.

– Ну да, «выгоню». А кто, в натуре, вместо тебя, когда ты в запое, работать будет?

Дядюшка не ответил и начал медленно, но уверенно и не морщась поглощать содержимое своего стакана.

В этот момент Ирка поняла, что от дядюшки сегодня уже действительно толку не добиться, и обратилась к Виктору:

– Вить, раз такое дело, нам с тобой поговорить надо.

– О чем поговорить?

– Вопрос один есть. Может быть, ты нам поможешь.

– Ну, пошли, поговорим. – Виктор встал, опять засунул руки в карманы и заорал: – Ленка!

Из соседней комнаты вышла высокая светловолосая девица в мужской рубашке, наброшенной на голое тело.

– Ну чего? – лениво спросила она, облокотившись на дверной косяк.

– Займи их сиятельство.

Труженица на ниве любви перевела взгляд на дядюшку и уныло спросила:

– Чё делать-то?

– Что хочешь, лишь бы он не скучал.

Девица плюхнулась на диван рядом с дядей Петей. Тот тут же машинально обнял ее, как только что Ирку, и положил голову на ее пышную грудь.

Мы втроем вышли на кухню, Виктор закрыл дверь и спросил:

– Ну, что у вас там? Выкладывайте...

– Во-первых, на тебе двести рублей за сентябрь.

Виктор вынул правую руку из кармана и тут же засунул ее обратно вместе с деньгами.

– Чё еще? – спросил он.

– Вить, в подъезде, где мы живем, у вас есть еще какие-нибудь хаты, которые вы в аренду сдаете?

Виктор несколько секунд размышлял, потом ответил:

– наших нет, но недавно я одной тетке из однокомнатной на втором этаже нашел жильца, она просила. Сама у дочери живет, квартира стоит пустая. Вот она и обратилась ко мне, помоги, мол, только чтобы приличный человек был...

– А кто этот жилец? – спросила я.

– Вам-то он на хрена сдался?

– Да понимаешь, вчера Ольгу какой-то мудила у самого подъезда с ног сшиб. Бежал как оглашенный, а за ним еще два урода. Мы ему хотим иск вчинить за порванный плащ и колготки и за моральный ущерб, – соврала Ирка, не моргнув и глазом.

– Знаете, невысокий такой, толстенький, волосы ежиком, – начала я описывать внешность фотографа.

– Похож на Андрюху, – кивнул Витька.

– Он, по-моему, фотографом работает. Я его раньше с сумкой для аппаратуры встречала.

– Точно, он! – подтвердил Виктор. – Он и хату-то снял для того, чтобы фотолaborаторию иметь. Дома у него условий нету.

– А где его можно найти?

– Не знаю, – пожал плечами Виктор, – наверное, в этой квартире и можно, что в вашем подъезде. А кто, ты говоришь, за ним гнался?

– Кабы мы знали, – вздохнула Ирка. – Так ты говоришь, второй этаж, номер-то квартиры какой?

– Пятый.

– Ну, ясненько. Раз ты о нем больше ничего не знаешь, тогда мы пошли.

– Ну, вообще-то адрес, где он прописан, у меня есть, – нерешительно протянул Виктор, – но, по-моему, он там не живет. Так, во всяком случае, мне сказал, а там кто его знает...

Виктор достал из заднего кармана брюк записную книжку и, полистав ее, сказал:

– А, вот он. Андрей Канарейкин, Буровая, 15.

– Спасибо, Витя, – поблагодарила его Ирка.

Мы вышли из кухни и через залу отправились в прихожую. На диване царила идиллия: дядя Петя, словно большой младенец, посапывал на груди у девицы, она же, в свою очередь, прикорнула, уткнув лицо в его обширную лысину.

Глава третья

Когда мы с Ирккой подходили к своему подъезду, у меня родилась идея.

– Ирк, давай поднимемся на второй этаж и навестим фотографа в его жилище, – озвучила я мысль подруге.

– Да его там наверняка нет, – отмахнулась Ирка.

– Ну и что, – не отставала я, – попробоваться-то можно.

С этими словами я направилась по лестничному маршу на второй этаж.

– Вот, черт. Сдался он тебе, – устало произнесла Ирка, но все-таки пошла вслед за мной.

Остановившись у квартиры номер 5, я коротко позвонила. Подождала несколько секунд, потом повторила попытку. За дверью царил тишина.

– Ну, что? Убедилась? Пошли домой, – сказала Ирка и подошла к лифту с намерением его вызвать. Я на всякий случай еще раз нажала на кнопку звонка и в некотором раздражении слегка ткнула ногой дверь.

К моему и Иркиному удивлению, дверь оказалась не заперта, а лишь плотно прикрыта. От моего пинка она медленно распахнулась, издав омерзительный, протяжный скрип, который оборвал лишь тупой удар створки о стену прихожей.

Перед нами открылся коридор обычной однокомнатной квартиры. Голые обшарпанные стены, старенькая, выдавшая виды дверь санузла. В общем, ничего особенного. Однако меня охватила какая-то странная нервная дрожь. Нечто подобное, видимо, происходило с моей подругой. Она немигающим взглядом уставилась в открытую дверь.

Я решила воспользоваться случаем, пока Ирка не спохватилась и не запричитала, что пора домой, и переступила порог квартиры. Ирка машинально и, слава богу, молча последовала за мной.

Я закрыла за нами дверь и прошла в комнату. Это была обычная комната, сдаваемая в аренду жильцам. Минимум мебели, минимум уюта. Обои не менялись уже лет десять, с потолка кусками осыпалась побелка. Но даже то небольшое количество мебели и вещей, которое присутствовало в комнате, было буквально перевернуто вверх дном. Матрас, подушка и одеяло, скинутые с кровати, валялись на полу, причем матрас был вспорот. Из старого комода вытряхнули все имеющиеся в нем ящики, двери пустого шкафа были распахнуты настежь. Посреди комнаты валялся перевернутый стул, рядом с которым лежал кусок бечевки.

Любой дилетант в криминальных делах, попавший в подобную обстановку, без труда сделал бы вывод, что в этой комнате происходили борьба, обыск, захват заложника. Располагая дополнительным объемом информации, я могла сделать вывод, что, видимо, бечевкой фотограф был связан, но ему удалось каким-то образом освободиться и бежать. Причем последнее было неожиданностью для его стражей, поскольку фора, имевшаяся у беглеца перед преследователями, была значительной.

Что искали бандиты в квартире фотографа – мне было ясно, поскольку волею случая искомое находилось теперь у меня. Однако я забыла о немаловажной вещи: были ведь негативы, с которых делались снимки. О них я вспомнила, когда осматривала ванную комнату, на полу которой валялись несколько проявленных и высушенных фотопленок. Я просмотрела все их, но той, с которой были сделаны имеющиеся у меня фотографии, среди них не было. Или эту пленку унес с собой фотограф, или ее забрали бандиты.

В ванной комнате на тумбочке стояла уже знакомая мне кожаная сумка фотографа. Она была раскрыта. Осмотрев ее содержимое, я пришла к выводу, что все вооружение фотографа на месте, по крайней мере, с моей непрофессиональной точки зрения. Фотоаппарат был не заряжен, задняя крышка открыта. В специальных гнездах покоились фотовспышка и аккумуляторные батареи. Тут же находился сменный фотообъектив для дальней съемки. Вся аппара-

тура была дорогой. Почему же фотограф за ней не явился ни вчера, ни сегодня, хотя никакой засады в квартире не было?

С моей точки зрения, это означало лишь одно: убежать фотографу не удалось. Его или убили, скрыв тело, или снова взяли в плен.

Тут наконец опомнилась молча ходившая за мной по пятам Ирка.

– Оль, – взяла она меня за локоть, – пошли отсюда.

– Да, – согласилась я, – пожалуй, можно уже уходить. Все, что можно было узнать от посещения этой берлоги, я уже узнала.

Мы молча двинулись к выходу.

Выйдя вслед за Иркой на лестничную клетку, я аккуратно прикрыла дверь, и мы поднялись пешком на свой пятый этаж. Когда за нами закрылась дверь, Ирка, видимо, почувствовав себя на своей территории, вновь осмелела.

– Ну, и скажи мне на милость, какого хрена мы поперлись в эту конуру на втором этаже?

– Мы узнали очень важную вещь, – буркнула я в ответ, снимая туфли, и, сунув ноги в тапочки, сразу же отправилась в свою комнату. Настроение у меня было далеко не самое лучшее, и мне хотелось побыть одной. Но Ирка не собиралась оставлять меня в одиночестве.

Уже через минуту она появилась в моей комнате, застегивая на ходу халат.

– Ну, позволь узнать, какую же важную информацию ты получила, роясь в сумке этого, как его, Канарейкина?

Я молча натянула домашние шорты и, сняв лифчик, надела легкую футболку. Убрала вещи в шкаф, я решила, что довольно тянуть паузу, и ответила уже начавшей терять терпение подруге.

– Он в плену или убит, – коротко и категорично констатировала я.

– С чего это вдруг ты делаешь такие выводы? – несколько опешила Ирка.

– С того, что будь он на свободе или жив, он вернулся бы за своей аппаратурой.

– Но ведь тела не обнаружили, – парировала Ирка, – сама говорила.

– Тело могли скрыть, но давай думать, что он жив. По крайней мере, мне так комфортнее, – сказала я.

– А зачем ему возвращаться из-за какой-то аппаратуры? – не унималась Ирка. – Здесь же могла быть засада!

– Он мог прийти сюда вместе с ментами, наврав им что-нибудь. А аппаратура, насколько я понимаю, у него дорогая. Один фотоаппарат «Nikon» несколько тысяч стоит.

– Откуда это ты все знаешь? – недоверчиво спросила Ирка.

– В школе фотографией увлекалась, даже в фотокружок ходила в восьмом-девятом классах.

Ирка несколько секунд размышляла над моими словами, после чего круто сменила тему:

– В общем, так: я устала от этих бесконечных базаров о фотографe. Я есть хочу, а сегодня, между прочим, твоя очередь готовить.

Вечером мы ужинали в зале за просмотром какого-то скучного детектива. На ужин я пожарила картошки и вскрыла последнюю банку маминых малосольных огурцов. Мать, зная о моей любви к соленьям, постоянно таскала с собой эти тяжелые банки, когда приезжала навещать меня. Я пыталась протестовать, просила маму больше не надрывать, но в душе всегда была очень рада этим подаркам.

Ирка же, равнодушная к соленому, налегала больше на картошку. Поэтому я, не стесняясь, съела и ее порцию малосольных огурчиков.

Фильм был абсолютно неинтересным. А может быть, выдуманная интрига не могла конкурировать с реальной, в которой я волей случая оказалась задействована. Мысли мои постоянно возвращались к бедолаге фотографу с такой смешной фамилией – Канарейкин, влип-

шему, отчасти из-за меня, по самые уши. Хотя для этого было не так уж много оснований, я все же переживала.

Ведь если предположить, что его поймали и требуют фотографий, бедняга понятия не имеет, где их искать. А от этого, может, зависит его жизнь.

Фильм закончился. Я так и не поняла чем, так как почти не смотрела его. Иринка встала, собрала посуду с остатками пищи и отправилась на кухню мыть ее. Я осталась сидеть у телевизора, медленно дожевывая последний огурец. И вдруг, неожиданно для самой себя, перестала жевать и переключила все свое внимание от невеселых мыслей, бродящих у меня в голове, на экран телевизора.

На экране после очередного рекламного ролика появился солидный мужчина возраста лет пятидесяти в сером твидовом костюме и дорогом, модном галстуке с золотой заколкой. Остатки седых волос были тщательно уложены, взгляд темных глаз излучал спокойствие и уверенность в себе. Под стать ему был и голос: ровный, с легкой хрипотцой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.